

С К

А З

К А

СОЧИНЕНИЕ П.П. ЕРШОВА

Конёк-Горбунок : арт-книга : в 3 ч. [ч. 1: факсимильное воспроизведение стихотворения П.П. Ершова, посвящ. К.И. Тимковскому ; ч. 2: факсимильное воспроизведение рукописи П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» ; ч. 3: Ершов П.П. Конёк-Горбунок] / редактор-составитель, художник книги Иван Лукьянов, иллюстрации Ольги Самосюк. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2025. — 144 с.; 28 ил. (Изд. помещено в папку).

ШЕДЕВРЫ КНИЖНОГО ИСКУССТВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=441.2)6-4
Е 80

ISBN 978-5-98178-120-9

© Лукьянов И.Е., редактор-составитель, художник книги, 2025

© Самосюк О.А., иллюстрации, 2025

© Тюменский общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2025

КОНЁК-ГОБУНОК

Художник книги:

Иван Лукьянов

Иллюстрации:

Ольги Самосюк

АРТ-КНИГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОВОЛЬСКА»

2025

210 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВТОРА

ИЗДАТЕЛЬ А.Г. ЕЛФИМОВ

КНИГА ОТПЕЧАТАНА

ТИРАЖОМ

50 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

АРТ-КНИГА

В КНИГУ ВКЛЕЕНЫ

7 АВТОРСКИХ ОФОРТОВ

ХУДОЖНИКА

ОЛЬГИ САМОСЮК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

· 7 ·

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

· 41 ·

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

· 85 ·

ЖИВОЕ РУССКОЕ

УЗОРЧЬЕ

· 128 ·

УВИДЕТЬ СЛОВО

· 134 ·

СИМВОЛ

ВЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

· 139 ·

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧИНАЕТ
СКАЗКА СКАЗЫВАТЬСЯ...

а горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора соглядать¹;

---

¹Соглядать – выследить, разузнать.

Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник².
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Ай вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:

---

²Сенник – навес или чердак, где хранилось сено.

Дождь вот так ливня и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
Ты есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошёл собираться;
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать –
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Дй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отприте;
Ночью страшный был мороз –
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?

Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Таврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Узо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять³,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков⁴,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,

³ Пенять – укорять.

⁴ Лубки (ед. лубок) – ярко раскрашенные картинки.

Малахай⁵ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.
Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Трива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Ахехе! так вот какой
Наш воршишко!.. Жо, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгну'а к ней на хребёт⁶ –
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью⁷ бешено сверкая,
Змеем голову свила

⁵ Малахай – длинная верхняя одежда без пояса,
а также меховая шапка-ушанка.

⁶ Хребёт – спина.

⁷ Очь – глаз.

*И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью⁸ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост, —
Крепко держится за хвост.*

*Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько согласишь. Да смотри,
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу Конька
Ростом только в три вершка⁹,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными¹⁰ ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,*

⁸ Пластью — пластом, распластавшись.

⁹ Вершок — старинная русская мера длины, равная 4,4 см.

¹⁰ Аршин — старинная русская мера длины, равная 71 см.

Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку¹¹.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом¹² напоит.
А же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», – думает Иван
И в пастуший балаган¹³
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Жапевая громко песню
«Ходил мо'лодец на Пресню»¹⁴.

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,

¹¹ Бабка – игральная кость.

¹² Мёд – здесь: крепкий напиток из мёда
с добавлением хмеля и пряностей.

¹³ Балаган – временное дощатое строение или шалаши.

¹⁴ «Ходил молодец на Пресню» – популярная в 18–19 вв.
песняна слова А.О. Аблесимова из комической оперы
«Мельник – колдун, обманищик и сват» (1799).

И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери открыли,
Дурака в избу́ впустили
И давай его пугать, —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на́ небе считал;
Месяц, ровно тоже све́тил,
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усами;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плашки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жо́мах¹⁵».

¹⁵ Жом — тиски.

Бился, бился мой хитрец,
И взмолился наконец:
“Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смиренно жить,
Православных не мутить”,
А, слышь, слов-то не померил¹⁰,
Да чертёнку и поверил».
Мут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться.
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, –
А про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Тод ли, два ли пролетело, –
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян¹⁷,

¹⁰ Померить – здесь: обдумать, проверить.

¹⁷ Зельно пьян – сильно выпив.

Затащился в балаган,
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-Конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» –
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Тавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Таврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Тяк и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом¹⁸ горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,

¹⁸ Яхонт – старинное название
драгоценных камней – рубина, сапфира.

*И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть!
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? –
Старший среднему сказал, –
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся;
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Таврило, в ту седмицу¹⁹
Отведём-ка их в столицу;*

¹⁹ Седмица – семь дней, неделя.

Там боярам продадим,
Деньги ровно подели́м,
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому²⁰ дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,

---

²⁰ Благой – здесь: блаженный, глупый.

Товоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём,
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Саатан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-Торбунок

У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
А ль вас, други, не ласкал.
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!²¹
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

²¹ Буерак – небольшой овраг.

Тут Конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, – сказал, –
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю,
Мы на чёрта не клеpli²²:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
А хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу'».

Тут Конёк пред ним ложится;
На Конька Иван садится,
Уши в за'гребл²³ берёт,
Что есть мочушки ревет.
Торбунок-Конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнула гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

²² Не клеpli – не наговаривай.

²³ Загребл – горсти.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Увана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Уваша,
Что переться²⁴, – дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот²⁵.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насыщенный хлеб имеем.
А коли' неурожай,
Тлак хоть в петлю полезай.
Вот в такой большой печали
Мы с Таврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь –
Чем бы горюшку помочь?
Тлак и этак мы вершили²⁰,
Наконец, вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову –
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.

²⁴ Переться – отпираться.

²⁵ Некорыстный наш живот – бедное житьё.

²⁰ Вершить – здесь: решать.

Да к тому ж старик немо́жет²⁷,
Работа́ть уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на́ небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохме́лились немножко
И пошли, что бо́же даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засве́тил.
На Таврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько.
Пот в затылке почесал.

---

²⁷ Немо́жет — хворает.

«Ах, как тёмно! — он сказал.—
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянула на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы теперь...
Да постой-ка... мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Любега й-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Таврило говорит:
«Кто-петь²⁸ знает, что горит!
Коль станичники²⁹ пристали —
Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака.
Он садится на Конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Перебит его руками,
Узо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Таврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

²⁸ Кто-петь — кто же.

²⁹ Станичники — здесь: разбойники.

Огонёк горит светлее,
Торбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что, – сказал он, – за шайтан⁵⁰!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыма нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему Конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Лют лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою», –
«Говори ты! как не так!» –
Про себя ворчит дурак;

⁵⁰ Шайтан – чёрт, дьявол.

И, подняв перо Жар-птицы,
Завернула его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И Конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Жад Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Лут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

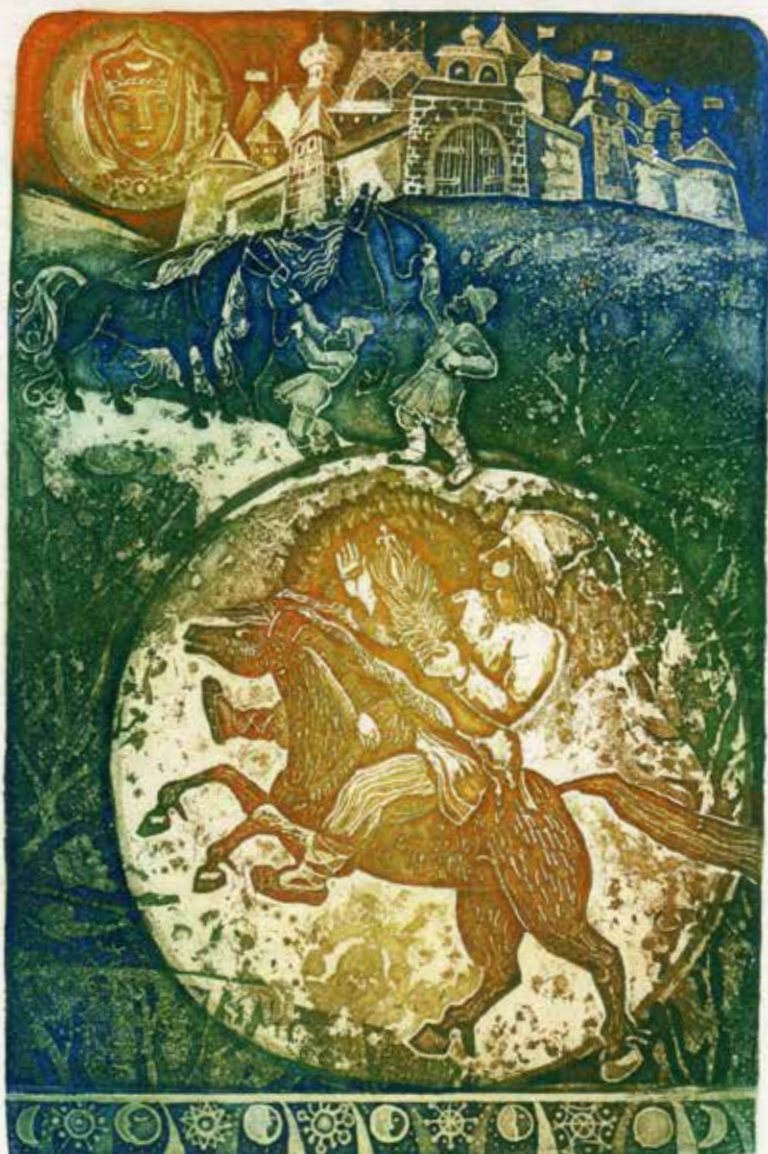
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий –
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня⁵¹ наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай⁵²,
Длинноусый, бородастый;
Он в злату трубу трубит,
Троим голосом кричит:
«Тости!⁵³ Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому⁵⁴,
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы́ нико́й урод
Не обманывал народ!»

⁵¹ Обедня – церковная служба, бывает утром или в первую половину дня.

⁵² Глашата́й (глашатай) – вестник, объявлявший народу указы и распоряжения.

⁵³ Тости – здесь: купцы, торговцы.

⁵⁴ Содом – беспорядок, суматоха, шум.

Гости лавки отпирают,
 Люд крещёный закликают:
 «Дй, честны'е господа,
 К нам пожалуйте сюда!
 Как у нас ли тары-бары,
 Всяки разные товары!»
 Покупальщики идут,
 У гостей товар берут;
 Гости денежки считают
 Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
 Приезжает в конный ряд;
 Смотрит – давка от народу,
 Нет ни выходу, ни входу;
 Так кишмя вот и кишат,
 И смеются, и кричат.
 Городничий удивился,
 Что народ развеселился,
 И приказ отряду дал,
 Чтоб дорогу прочищал.
 «Дй! вы, черти босоноги!
 Прочь с дороги! Прочь с дороги!» –
 Закричали усачи
 И ударили в бичи³⁵.
 Тут народ зашевелился,
 Шапки снял и расступился.

³⁵ Бичи – кнуты.

Перед глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, – молвил, – божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Тородничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,
«Ты помилуй, царь-отец! –
Тородничий восклицает
И всем телом упадет. –
Не веди меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Сладно,
Товори, да только складно». –

«Как умею, расскажу;
Тородничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» – «Знаю, знаю!» –
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю – тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Тнать народ, чтоб не мешал,
Тлак и случилось, царь-надёжа!
И поехал я, – и что же?..
Тредо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо ко'ней поглядеть, –
Товорит он, – да не худо
И завесть такое чудо.
Тей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов³⁰ отряд.

³⁰ Стрельцы – в русском войске пехотинцы
с огнестрельным оружием.

Вот он въехал в конный ряд,
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали,
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Плещет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,

И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин – тоже я». –
«Ну, я пару покупаю;
Продаёшь ты?» – «Нет, меняю». –
«Что в промен берёшь добра?» –
«Два-пять шапок серебра». –
«То есть это будет десять». –
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными⁵⁷ бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

⁵⁷ Сафьянные бичи – длинные плети, кнуты
из мягкой козьей или овечьей кожи,
окрашенной в яркий цвет.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Жу, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ⁵⁸ тебе даю.
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» – «Жка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
Тмо есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Тмак и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,

⁵⁸ В приказ – в подчинение.

*У под песню дурака
Кони пляшут трепака³⁹;
А Конёк его – Торбатко –
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.*

*Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендово́й⁴⁰
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Увана поминать.*

*Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Уван,
Находясь во службе царской
При конюшне государской;
Как в суседки⁴¹ он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро́ поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,*

³⁹ Трепак – русский народный танец
с сильными притоптыванием ногами.

⁴⁰ Ендова – посуда для вина.

⁴¹ Суседко – домовый, покровитель дома и лошадей.

*Как он ездил за кольцом,
Как был на́ небе послон,
Как он в Солнцевом селенье
Ки́ту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился⁴²;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.*

---

⁴² Учиниться – стать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ,
А НЕ СКОРО
ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещеого коурка¹.
Козы на́ море ушли;
Торы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь² в дубраве рыщет,
Это присказка, а вот —
Сказка чередо́м пойдёт.

¹ Коурка — конь рыжей масти.

² Чёрный зверь — в Сибири так назывался медведь.

Ну, так видите ль, миряне⁵,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник⁴ примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшной надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он заился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а приицеца'
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;

⁵ Миряне – крестьяне, живущие миром, в общине.

⁴ Спальник – царский слуга.

Сам же думает: «Постой-ка,
А те двину, неумойка!»
Так, неделей через пять,
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит⁵;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Тривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Мёрсть – ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах – свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта⁶
Будто только налита.
«Что за притча тут такая?»⁷ –
Спальник думает вздыхая. –
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить⁸, –
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской –
Басурманин⁹, ворожей,
Чернокнижник и злодей;

⁵ Школить – учить.

⁶ Сыта – медовый взвар.

⁷ Что за притча тут такая? – здесь: непонятное дело.

⁸ Пулю слить – пустить ложный слух.

⁹ Басурманин – иноверец.

Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь Божию не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.
Ждёт суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод¹⁰.
Дверь задвижкой запирает,
Мопку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад¹¹ – перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблестал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомёк!
Он кладёт перо в сусёк¹²,

¹⁰ Коновод – конюх.

¹¹ Царский клад – по закону любая найденная драгоценность принадлежала царю.

¹² Сусёк – место для хранения зерна.

Чистить ко́ней начинает,
 Умывает, убирает,
 Тривы длинные плетёт,
 Разны песенки поёт.
 А меж тем, свернувшись клубом,
 Поколачивая зубом,
 Смотрит спальный чуть живой,
 Что тут деет домовой.
 Что за бес! Нешто́ нарочно
 Прирядился плут полночный:
 Нет рогов, ни бороды,
 Ражий¹⁵ парень, хоть куды!
 Волос гладкий, сбоку ленты,
 На рубашке прозументы¹⁴,
 Сапоги как ал сафьян, –
 Ну, точнёхонько Иван.
 Что за диво? смотрит снова
 Наши глазёй на домового...
 «Д! так вот что! – наконец,
 Проворчал себе хитрец, –
 Ладно, завтра ж царь узнает,
 Что твой глупый ум скрывает.
 Подожди лишь только дня,
 Будешь помнить ты меня!»
 А Иван, совсем не зная,
 Что ему беда такая
 Угрожает, всё плетёт
 Тривы в косы да поёт;
 А убрав их, в оба чана
 Нацедил сыты медвяной
 И насыпал дополна
 Белоярова пшена¹⁵.

¹⁵ Ражий – здоровый, сильный.

¹⁴ Прозумент (позумент) – золотая или серебряная тесьма на одежде.

¹⁵ Белоярово пшено – кукуруза, в сказках – конский корм.

Мут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо – и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться¹⁰,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан¹⁷,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватит перо – и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом¹⁸
И зашел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». –
«Говори, не прибавляя, –
Царь сказал ему, зевая. –
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать». –
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!

¹⁰ Зориться – светать.

¹⁷ Еруслан – Еруслан Лазаревич, богатырь, герой русских сказок.

¹⁸ Об пол лбом – низко поклонился.

Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро –
Жароптицево перо...» –
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел, такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..» –
«Да и то ль ещё он знает! –
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. – Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу¹⁹,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым²⁰,
Ко кровати подошёл,
Подав клад – и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался²¹,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Плут, уклад его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Тей! Позвать мне дурака!»

¹⁹ Светлица – светлая комната в верхней части дома.

²⁰ Таловый – ивовый.

²¹ Дивоваться – удивляться, смотреть с восхищением.

И посыльные дворяна²²
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колютья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь²³ растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Жу толкать во все бока.
С полчасца над ним возились,
Но его не добудились.
Наконец уж рядовой²⁴
Разбудил его метлой.

---

²² Посыльные дворяна – придворные.

²³ Вдругорядь – в другой раз, снова.

²⁴ Рядовой – здесь: слуга.

«Что за челядь²⁵ тут такая? –
Говорит Иван, вставая.–
Как хвачу я вас бичом,
Тяк не станете потом
Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать».–
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюсь».–
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро –
Жароптицево перо?»

---

²⁵Челядь – прислужники при дворе.

Что я – царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведаль?
Что ты – ажно²⁰ ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки, –
Нет пера, да и шабалки!..»²⁷ –
«Отвечай же! запорю!..» –
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? а?» Тут Иван,
Задрожал, как лист в бурян,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? –
Молвил царь. – Постой-ка, брат!..» –
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, –
Царь Ивану говорит. –

²⁰ Ажно – здесь: разве.

²⁷ Шабалки – шабаш, конец.

А, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму, и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! –
Закричал он, утираясь. –
О пере не запираюсь²⁸,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».
Царь, затряси бородою:
«Что? Рядиться²⁹ мне с тобою! –
Закричал он. – Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правёж³⁰ – в решётку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где Конёк его лежал.

²⁸ Запираться – отказываться.

²⁹ Рядиться – договариваться (ряда – уговор).

³⁰ Правёж – здесь: пытка, битьё палками.

Торбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую⁵¹;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Товорит ему Конёк,
У его вертяся ног. –
Не утдайся предо мною,
Всё скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, Конёк! – сказал. –
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, Торбунок?»
Товорит ему Конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, – беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.

---

⁵¹ Дрягнул было плясовую – хотел начать плясать.

Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
“Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да веди поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход”».

Вот Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да веди поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил Конёк Ивана:
«Тей! хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»

Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пишено,
И заморское вино;
Потеплее приделся,
На Коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток –
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал Конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого серебра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! зелень тут
Словно камень изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.

Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот Конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту³², дру́гу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймаешь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь». —
«Ну, а если обожгуся? —
Говорит Коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. —
Рукавички взять придётся,

---

³² Вёрста (верста) — мера длины, равная 1,00 км.

Чай, плутовка больно жгётся».
Тут Конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой –
Будто полдни наступают;
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пиено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тыфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать, –
Что-то было бы поживы!
Не́ча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то – суций смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету –
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой

Ко пшени с вином подполз, –
Хватъ одну из птиц за хвост.
«Ой! Конёчек-Торбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
А ведь птицу-то поймал», –
Так Иван-дурак кричал.
Торбунук тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! –
Товорит ему Конёк. –
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь». –
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть! –
Товорит Иван. – Смотри-ка,
Вишь, надсе́йся⁵³ от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кружом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком⁵⁴ облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

⁵³ Надселиться – надорваться.

⁵⁴ Щёлок – раствор с едкой щёлочью.

Вот приехали в столицу,
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» –
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Укусал себе все руки.
«Разумеется, достал», –
Наш Иван царю сказал.
«Где же она?» – «Лясткой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне³⁵ затворить,
Знаешь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решётчных³⁰ сзывайте!
Заливайте! Заливайте!» –
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, –
Молвил ловчий (сам со смеху, –
Надрываясь), – потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!

³⁵ Почивальня (опочивальня) – спальня.

³⁰ Решётчные – здесь: пожарные.

Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой –
Будь же царский стремянной!⁵⁷»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Товорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться,
А те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мёд из жбана⁵⁸
Да читали Еруслана.
«Эх! – один слуга сказал, –
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять;
А уж сказки – вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж так умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!»

⁵⁷ Стремянной – придворный чин, человек, принимающий у ездока лошадь и подающий ему стремя.

⁵⁸ Жбан – кувшин с крышкой.

Расскажи, брат, расскажи!» —
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» —
«Ну, да брось её!» — «Постой!..» —
«О красоте, что ль, какой?» —
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» —
«Царь-девицу! — все кричали. —
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Ух и слушать веселей».
У слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далёких немских стран⁵⁰
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи́

⁵⁰ Немские страны — иноземные, чуждедалние.
Немцами в Древней Руси называли всех иностранцев.

Ни дворяне, ни миряне
Ни поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнула крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» —
«Говори, да правду только
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг

Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей бородой,
Что он знает эту птицу, –
Так он назвал Царь-девицу, –
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Тей, позвать мне стремяннова!» –
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить⁴⁰, Царь-девицу...» –
«Что ты, что ты, бог с тобой! –
Начал царский стремянной. –
Чай, спросонков, я толкую,
И туку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведёшь».
Царь, затряси бородою:

---

⁴⁰ Сиречь молвить – то есть, иначе сказать.

«Что? рядиться мне с тобою! –
Закричал он. – Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правёж – в решётку – на́кол!
Вон, холоп!» Уван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где Конёк его лежал.

«Что, Уванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему Конёк. –
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Уван Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, Конёк! – сказал. –
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, Торбунок?»
Говорит ему Конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!»

Ты к царю теперь поди
И скажи: “Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки⁴¹,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья”».

Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья». –
«Вот давно бы так, чем нет», –
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил Конёк Ивана:
«Тей, хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр

⁴¹ Ширинка – широкое полотенце.

Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал⁴²
И верёвкой завязал,
Потеплее приоделся,
На Коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал Конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с Конька слезает,
А Конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.

---

⁴²Склал – просторечное: сложил.

Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шляпка вон мелькает...
Тю царевна подплывает,
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот, как в гусли заиграет, –
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Тю царевну сохватай
И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты её проспшишь,
Тяк беды не избежишь».
Тют Конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатёр
И садится за прибор.
«Эм! так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, –
Рассуждает стремянной, –
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:

*И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тыфу ты! словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
А и даром не возьму».*
*Тут царица заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак⁴⁵;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.*

*Запад тихо догорал.
Вдруг Конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!⁴⁴
Не меня ведь вздёрнут на кол!»*
*Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб Конёк его простил.
«Отпусти вину Ивану,
А вперёд уж спать не стану». —
«Ну, уж Бог тебя простит! —
Торбунок ему кричит. —
Всё поправили, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К золотошвейному шатру
Приплывёт опять девица —*

⁴⁵ Прикорнулся на кулак — прилёг, положив голову на руку.

⁴⁴ Высыпай себе беды — будешь спать до ночи, случится беда.

Мёду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснёшь,
Толовы уж не снесёшь».
Тут Конёк опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
И люльку на берег бросает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот царица заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —
Ты в другоредь не уйдёшь
И меня не проведёшь».
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, Конёк, беги!
Торбунок мой, помоги!»
Вмиг Конёк к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Жу, садись же поскорей,
Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает,
Царь к царице выбегает,
За белые руки берёт,
Во дворец её ведёт
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица,
Согласися быть царица!
А тебя едва узрел, –
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи

И во время бела дня,
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнём жить припевая»,
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней ещё влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы⁴⁵ начал снова:

---

⁴⁵ Балясы – пустые речи, болтовня.

«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царица:
«Если хочешь взять меня,
Ты доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна», –
«Тей! позвать ко мне Увана!» –
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Уван к царю явился.
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Уван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы,
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего», –
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!» –
Говорит царю Уван.
«Как же, плут, не торопиться, –
Видишь, я хочу жениться! –
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. –
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Плут Уван хотел идти.

«Дй, послушай! по пути, —
Говорит ему царица, —
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать, —
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне, Солнце — брат». —
«Да смотри, в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Шут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где Конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему Конёк.
«Помоги мне, Горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,

Так и шлёт на окиян, —
Говорит Коньку Иван, —
Дал мне сроку три дня только;
Пут попробоват изволь-ка
Перстенъ дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросат кое об чём...»
Пут Конёк: «Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А завтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На Коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОСЕЛЕВА МАКАР ОГОРОДЫ КОПАЛ,
А НЫНЧЕ МАКАР
В ВОЕВОДЫ ПОПАЛ

а-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Дй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка после начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток¹,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула.
Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

¹Шесток – место перед отверстием
в печную топку.

Жу-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Торбунок летит, как ветер,
И в почин² на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит Конёк Ивану:
«Жу, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаи,
Да, смотри ж, не забывай!»
Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,

---

² В почин – здесь: в начале пути.

На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Щут девушки грибов.

Вот Конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» —
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту Конёк, —
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале⁵ быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» —
«Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец, мне милосердный.
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» —

⁵ Опала — немилость.

Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
Тут Конёк под ним забился,
Прыг на берег — и пустился;
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно⁴ творится.
Только, братцы, я узнал,
Что Конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землею простился
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! эко диво!»
Наше царство хоть красиво, —
Говорит Коньку Иван
Средь лазоревых полян, —

⁴ Мешкотно — медленно.

А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, Торбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
«Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван Конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Торбунок ему кричит. —
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц, входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот Конёк во двор въезжает;
Наши Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я – Иванушка Петрович,
Из далёких я сторон
И привёз тебе поклон». –
«Сядь, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцович, –
И поведай мне вину⁵
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этой край, –
Всё скажи мне, не утай». –
«Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, –
Говорит, садясь, Иван, –
Переехал окиян
С порученьем от царицы –
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
“Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лику какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?”

---

⁵ Вина – здесь: причина.

Так, кажися? Мастерница
Говорить красно́ царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она». —
«А какая то царица?» —
«Это, знаешь, Царь-девица». —
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцovich.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Жу, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на́ кол».
Месяц с радости заплакал,
Жу Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,

Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» –
«Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка⁶;
Жу, как спичка⁷, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц, вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том –
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты...

⁶ Сухотка – болезненная худоба.

⁷ Спичка – лучина.

Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спросил:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзроду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.
«Жу, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц, Месяцович.—
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
„Мать твоя всегда с тобой;
Полю плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старь, с бородой,

*А красавец молодой
Поведёт тебя к налою⁸.
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На Конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.*

*На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окян.
Вот Конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прошение?
Получу ль когда прощенье?» —
«Погоди ты, рыба-кит!» —
Тут Конёк ему кричит.*

*Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,*

⁸ Поведёт тебя к налою – женится на тебе.
Налой (аналой) – столик в церкви с покатым верхом,
во время венчания жениха и невесту обводили вокруг него.

Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Дй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ⁹,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть беда́м!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шёл Мамай¹⁰ войной!

⁹ К водяному сесть в приказ –
в переносном значении: утонуть, пойти ко дну;
приказ – государственное учреждение в Древней Руси.

¹⁰ Мамай – монголо-татарский хан,
жестокий завоеватель.

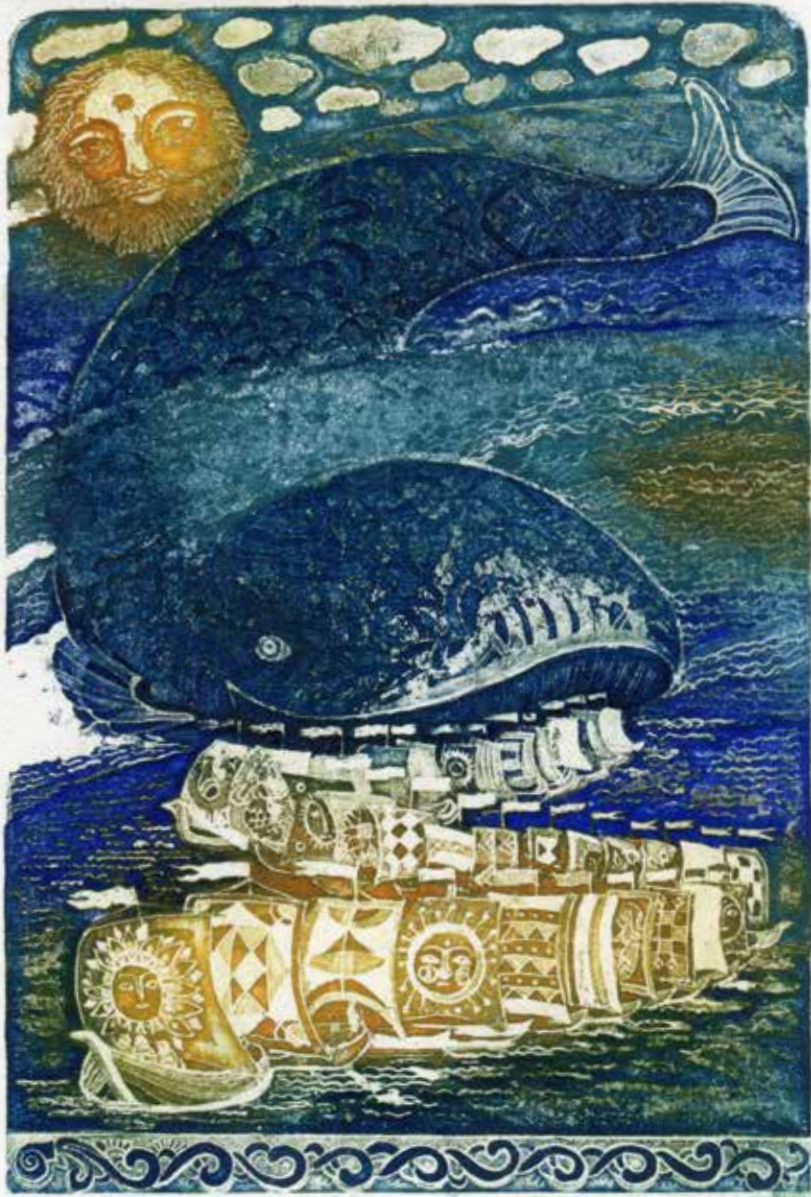

Плут Конёк на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет Бог с тебя невзгону,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился – и вмиг
На далёкий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Плут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;

Поп с причётом¹¹ всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Трянул песню на подхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря закрубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо рыба-кит
Тромким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом¹² волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» –
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, –
Говорит ему Иван, –
Лучше перстень нам достань, –
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». –
«Ладно, ладно! для дружка
И серёжку из ушка!

¹¹ Причёт – церковнослужители:
свеченосцы, чтецы, певцы, дьячки, пономари.

¹² Плёс – здесь: хвост кита.

Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», —
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плёсом ударяет,
Тромким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином¹⁵.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!..»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гнеvisь!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.

¹⁵ Думный дворянин — незнатного рода,
младший член царской думы.

Только ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».—
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд¹⁴ бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Леиц, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было, нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

¹⁴ Земский суд — местный суд,
который разбираал малозначимые дела.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслышанный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, –
Тлядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с карасём.
«Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» –
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? –
Ёрш кричит дельфинам смело. –
А шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» –
«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать;
Дома – нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться¹⁵, –
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».

¹⁵ Рядиться – спорить, ругаться.

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад,
Ёри ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честном при всём собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго ёри ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени ёри упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Жу, уж Бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье». —
«Рад стараться, чудо-кит!» —
На коленях ёри нищит.

« Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы? » – « Как не знать!
Можем разом отыскать ». –
« Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее! »

Плут, отдав царю поклон,
Ёри пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне –
Пуд¹⁰ по крайней мере во сто.
« О, здесь дело-то не просто! »
И давай из всех морей
Ёри скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего –
« У-у-у! » да « о-о-о! »
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,

¹⁰ Пуд – старинная русская мера веса,
равная 16,38 кг.

*А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!
Вам кнута бы вместо водки!» –
Крикнул ёри со всех сердец
И нырнул по осетров.*

*Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
А ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ёри-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасём, –
А не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.*

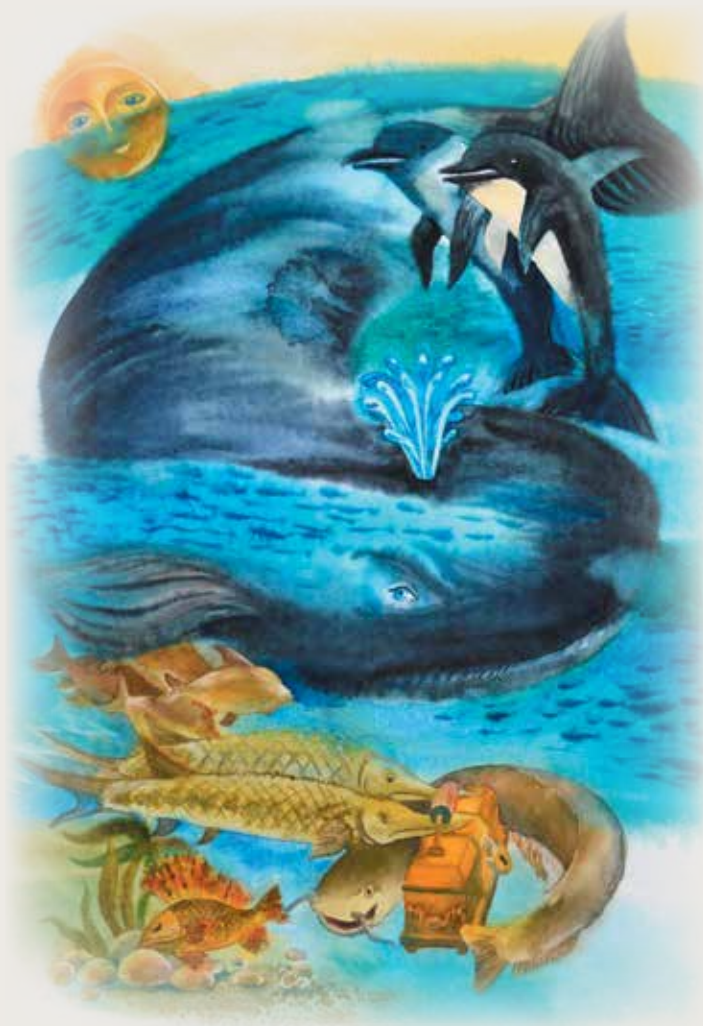

*Тихо море-окиян,
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурыкает от горя;*

Повалившись на песок,
Дремлет верный Торбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулась заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! –
Говорит себе Иван. –
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я¹⁷,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

---

¹⁷ Если ж вновь принужусь я –
если снова буду нужен.

Торбунук-Конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, рыба-кит! –
Торбунук-Конёк кричит. –
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число¹⁸;
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы с радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут Конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камушек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».

---

¹⁸ Завтра срочное число – завтра срок.

Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице,
Царь с крыльца к нему бежит, —
«Что кольцо моё?» — кричит.
Шут Иван с Конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на́ вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнести в светлицу.
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найдён,
Сладкогласно молвил он, —
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться». —
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру

Завтра ж с горя поутру,
Сжался, матушка-царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку¹⁰ взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются –
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!» –
«Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться, –
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» –
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! –
Царь царице отвечал. –
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам ну́жды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том ну́жда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал

¹⁰ Внуку – внучку.

И, нахмуряся, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» –
«Не пойду я за седова, –
Царь-девица молвит снова. –
Стань, как прежде, молодец, –
А тотчас же под венец». –
«Вспомни, матушка-царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо Бог один творит». –
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, –
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнула тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? –
Говорит царю Иван. –
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!» –
«Нет, Иванушка, не то,
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах». –
«Вишь, откуда подъезжает! –
Речь Иван тут начинает. –
И парят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
А ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Увана проводить!»

Царь, затряси бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою! –
Закричал он. – Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, –
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, бо́лесть²⁰ злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где Конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему Конёк. –
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, Конёк! – сказал. –
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Укупаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток».

²⁰ Болесть – болезнь.

Говорит ему Конёк:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: “Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Торбунка ко мне послать,
Чтоб в последни с ним проститься”.
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну²¹,
Тромким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

²¹ Прыскать – брызгать.

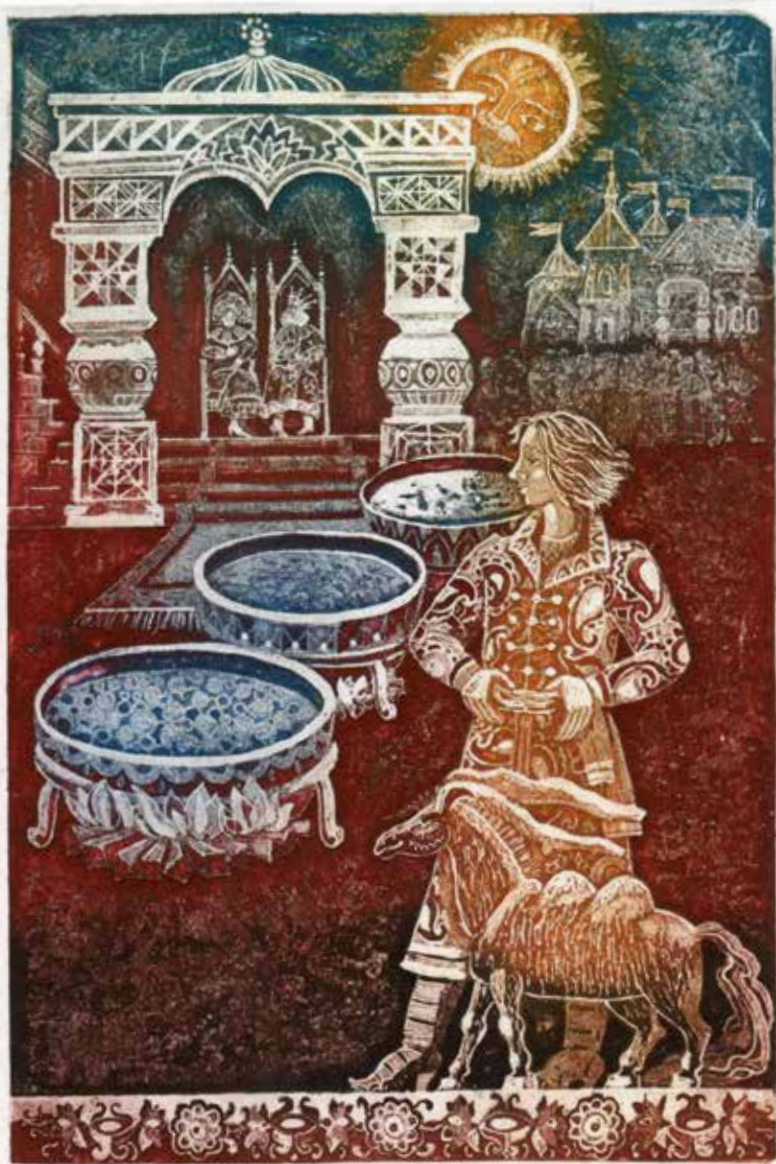
На другой день, утром рано,
Разбудил Конёк Ивана:
«Дй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,

Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Тянул в них – и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? –
Царь опять ему вскричал. –
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Торбунка ко мне послать?
Я в последни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Торбунка к нему послать.
Тут слуга Конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот Конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Тромким посвистом присвистнул.
На Конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий –
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

«Джо диво! – все кричали. –
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя²² похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился, –
Бух в котёл – и там сварился!

Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем²³ всего
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
Жа Увана показала.

«Люба, любя! – все кричат. –
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана²⁴
Признаём царя Увана!»

²² Лъзя – можно.

²³ Володетель – владелец.

²⁴ Талан – счастье.

Царь царицу тут берёт,
В церковь Божию ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налою.

Лушки с крепости палят,
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским²⁵ выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

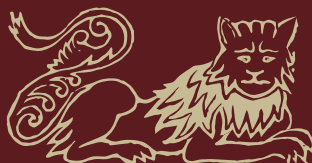
²⁵ Фряжское – заморское вино,
его привозили итальянцы – фрязи, купцы из Генуи.

Недаром многих лет
свидетелем Господь меня поставил
и книжному искусству вразумил...

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

Живое русское узорочье

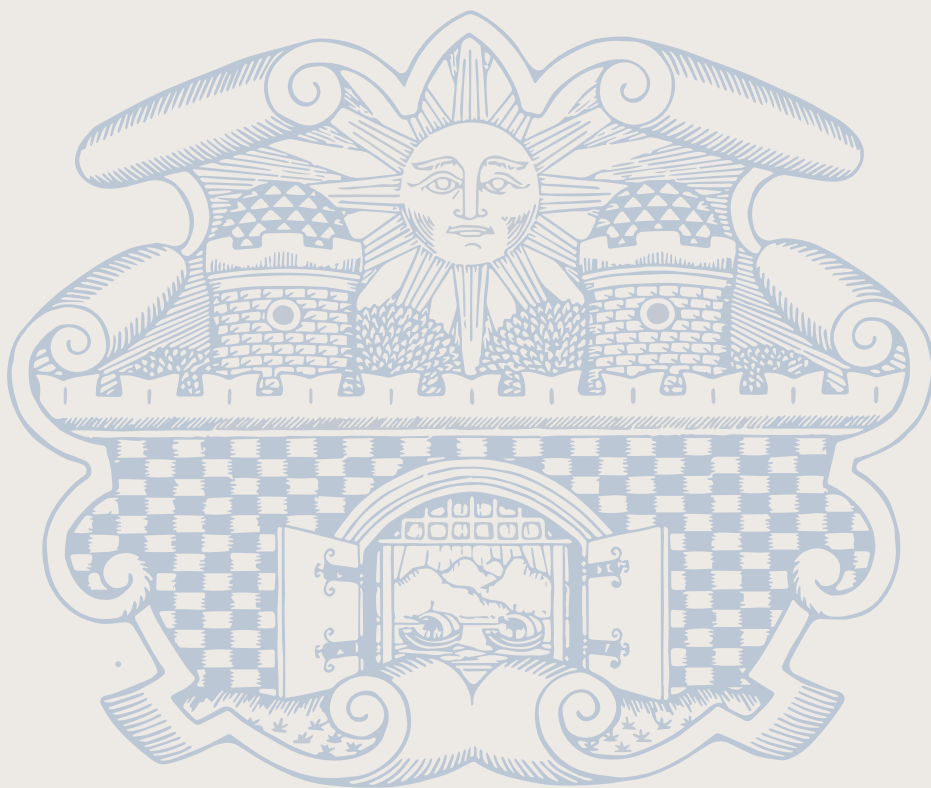
Нина Ягодинцева

Кандидат культурологии,
профессор

Челябинского государственного
института культуры

едець, некогда и на Ефудѣ рѣчь оиелаетъ. Егда
еде не ошщаетъ. А исто во близости едъ вѣдетъ,
а ѿ него ошщаетъ, и душа его изъ Тѣла и ошщаетъ.
и вѣдѣтъ иль радость возвѣщаетъ, и мною
въ свиткѣ ошщаетъ. книга Грансурѣфа блж. Дѣи

Узорочье – таким красивым русским словом в широком смысле принято называть изысканные украшения: то, что услаждает взор. Само по себе звучное и изящное, слово постепенно расширило свои границы и с XVII века стало обозначением даже архитектурного стиля с затейливыми формами, многочисленными элементами декора и живописностью силуэта.

Узорочье каменное, тканое, узорочье украшений...

Стремление русского человека озарить, расцветить обыденную жизнь изысканной красотой очевидно во всём, и словесное творчество тут, пожалуй, не исключение, а напротив – основа и повод для умножения этой необыкновенной, волшебной, сказочной красоты.

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», продолжая серию коллекционных изданий сказки Петра Павловича Ершова «Конёк-Горбунок» в оформлении замечательных современных русских художников, словно разворачивает перед нами,

читателями, одну за одной драгоценные узорчатые ткани, где в полную красоту и силу оживает русское волшебство.

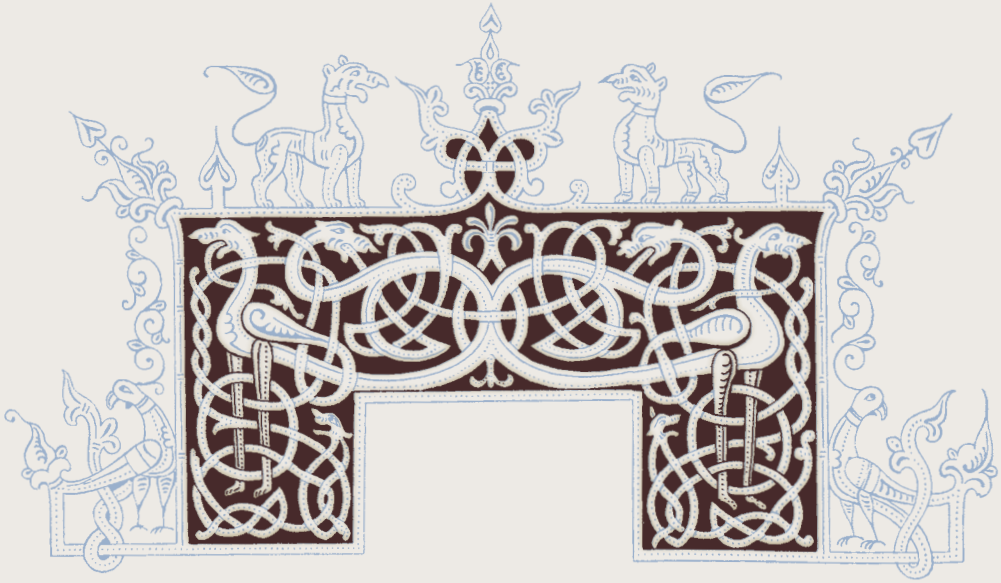
Чем же оно особенно, чем отлично от других, увлекательно до такой степени, что юный, девятнадцатилетний сибирский поэт, уроженец Ишимского уезда Тобольской губернии, выпускник Тобольской гимназии и студент Императорского Санкт-Петербургского университета Пётр Павлович Ершов, вдохновившись поэтическими сказками Александра Сергеевича Пушкина, создал свою сказку, которая потом выдержала бесчисленное множество изданий, была переведена на языки разных народов мира?

В словесном узорочье русских сказок с любовью и неиссякаемым изумлением выписано иррациональное начало бытия, те его неочевидные законы, которые управляют нами. В русском мире не так уж много прямолинейного, рассудочного – причины и следствия в нашем национальном сознании соединены особенно, причудливо, каллиграфически тонкими и точными смысловыми линиями. И, пожалуй, вообразить и увидеть этот необыкновенный узор, этот живописный орнамент дано только поэтам, художникам и музыкантам.

Девятнадцатилетний юноша Пётр Ершов поэтически оформил, огранил произведение воистину народное, собрал из отдельных сюжетных элементов дивное сказочное полотно – и обессмертил этим себя не только в русской литературе. Наука находит древние корни сказки на Востоке, а если посмотреть ещё глубже – практически все волшебные сказочные сюжеты восходят к общей мифологии, к архетипическим моделям.

Яркая, отличная от других национальная окраска всегда возникает в интерпретации, в определении главного и второстепенных смыслов, в характерах героев и типе орнаментальности событий.

Сибирь, родина Ершова, – особенное культурное пространство, в котором, обогащая его сокровищницу – Тобольск, сходились и пересекались пути множества культур. По этим же дорогам прошли и сказочные сюжеты. А.С. Пушкин очень точно сказал: «История народа принадлежит поэту», ибо только поэт может воссоздать узор нелинейных взаимосвязей событий и судеб – во времени и пространстве. И в пушкинских сказках, и в сказке Ершова сюжетное узорочье архетипов приобрело неповторимый, уникальный национальный смысл, и потому эти сказки так полюбились народу, ведь в этом словесном отражении души он безоговорочно узнал себя.

Герменевтическое мерцание сюжета, как волшебное зеркальце одной из любимых сказок А.С. Пушкина, привлекает внимание художников теперь уже XXI века, возвращая их к корням, основам национального искусства. И каждый раз отражение знакомых уже образов включает в себя и черты индивидуального, личного видения художника.

Над новым изданием «Конька-Горбунка», которое вы, уважаемый читатель, держите в руках, работали два известных современных русских художника – Иван Лукьянов и Ольга Самосюк. Гармоничное сочетание акварелей, офортных Самосюк и оформления книги, её орнаментов, вёрстки Ивана Лукьянова создаёт уникальный облик коллекционной книги, достойной жемчужины русских книжных коллекций.

Книга помещена в шкатулку – а ведь шкатулка является традиционным предметом, атрибутом русского быта, хранилищем ценностей – от украшений до писем и документов. Оформление шкатулки решено в традиционном русском стиле, где в центре рисунка – солнце, а в нём летит над стольным градом на Коньке-Горбунке герой сказки, меньшой крестьянский сын Иван. Солнечно-золотистая, лучистая гамма золотого монастырского шитья рисунка создаёт впечатление наполненности, радости, силы. В этом состоянии Ивану нипочём любые испытания, какими бы

сложными они ни были. Цветочный орнамент и сказочные девы-птицы обрамляют это изображение, словно поймав и отобразив во множестве линий и оттенков солнечные лучи.

Обложка книги выдержана в символике более современной – каменная основная фактура, шрифт, в котором угадывается след свободной живописной кисти, силуэт Ивана, сидящего задом наперёд на летящем Коньке, элемент растительного орнамента, словно впечатанный в каменное полотно... Это взгляд на сказку из дня сегодняшнего, ведь за 185 лет, прошедших со времени первого издания, за увлекательностью волшебного сюжета проступили и новые смыслы, обобщающие опыт русской жизни и особой русской ментальности.

В оформлении главенствуют два цвета – красный и золотой, любимые национальные цвета, архетипические и царские, насыщенные энергией жизни, создающие впечатление радости и силы. Цветовые и фактурные дизайнерские решения Ивана Лукьянова всегда отличаются точностью, они как бы «приподнимают» художественный текст, придают ему даже особую интонацию прочтения.

Орнаменты, сопровождающие повествование, легки, изящны, в этом узорочье словно играет солнце, сияющее на шкатулке-хранительнице. Орнамент всегда отсылает нас к вечности, в нём ощущается несомненная магия: повторение одних и тех же элементов в определённом порядке задаёт бесконечный узор – будь то прихотливые травы широких сибирских полей или моменты бытования человека на земле.

Через созерцание орнамента приходит понимание, что это было, есть и будет всегда. Сказка и орнамент, безусловно, родственны друг другу – ведь действие сказки тоже не относится к конкретному времени, оно происходит в мифическом «всегда»... Орнаментальные решения И. Лукьянова в книге глубоко национальны – и в то же время они авторские, современные, усложнённые обилием элементов, более свободные по отношению к традиции. Эта насыщенная сложность тоже создаёт впечатление солнечной силы праздника жизни.

Украшают текст и дополняют ощущение праздника изящные элементы оформления глав, придающие художественную целостность книге, создающие завершённый облик каждой странице.

Акварели Ольги Самосюк очень близки традиционным «книжным» акварелям-иллюстрациям, визуальные образы героев соединяют в себе узнаваемые черты любимых сказочных героев. Но автор вносит в них и лёгкий

«интонационный» нюанс – некоторую «взрослую» лёгкую иронию, многослойное, сложное отношение взрослого читателя к неизменно любимой детской книжке.

Это восприятие детства с высоты жизненного опыта, с улыбкой вспоминающего младенческую наивность – и сожалеющего об её утрате...

«Изюминкой» книги стали 7 авторских офортов, выполненных Ольгой Самосюк к ключевым моментам сюжета. Гравюра офорт – одна из самых интересных форм изобразительного искусства, получившая своё развитие в начале XVI века и активно использовавшаяся в оформлении книг, так как техники офорта позволяли наиболее полно передать колорит и суть сюжета. Поначалу они использовались преимущественно для книжных иллюстраций, а позже стали подлинными произведениями искусства, отдельным художественным направлением в графике. Сегодня офорты – изысканное украшение лучших книжных изданий, и «Конёк-Горбунок» входит в их число.

Книга, которую вы держите в руках, издана тиражом всего 50 нумерованных и подписанных издателем экземпляров. Создавая подобные издательские шедевры, благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» возвращает книге, утратившей в эпоху легкодоступной многотиражности свой высокий статус, место на вершине знания, на Олимпе культуры.

А. Рублёв
Ангел. Евангелие Хитрово
Конец XIV в.

Увидеть слово

Ирина Оськина

*Искусствовед, заслуженный деятель искусств
Российской Федерации,
заслуженный деятель искусств
Республики Башкортостан*

Заслуженный художник Республики Башкортостан, обладатель серебряной медали Союза художников России и медали первопечатника Ивана Фёдорова, лауреат премии имени А.А. Дунина-Горкавича Ольга Александровна Самосюк живёт и работает в Уфе. Она владеет самыми разнообразными техниками – от акварели и монотипии до офорта и литографии. Множество её произведений – экслибрисы и книжные иллюстрации, отдельные крупноформатные станковые работы и многолистовые серии – свидетельство неутомимого труда и огромного таланта.

Произведения Ольги Самосюк покоряют зрителя образной выразительностью и великолепным исполнением, выдавая её необыкновенно широкий кругозор, в который гармонично входят мифы и летописные предания, мистический опыт и историческая фактология, мир природы и деяния людей. Круг интересов художницы, отразившийся в произведениях,

разнообразен и поразительно обширен. Её графические циклы «Цивилизации», «История Древней Руси», «Бестиарий», «Наскальные рисунки», «Боги древних славян» и многие другие – колоссальный труд, в котором нашли зримое воплощение представления о неисчерпаемом многообразии и самобытности культур, философско-религиозных воззрений народов. Самосюк прекрасно владеет искусством миниатюры, уверенно работает с полноформатными листами. Она тщательно изучает события, внимательно отбирая факты, образы, детали.

Читать художница любила всегда, и по сей день книга – её любимое времяпрепровождение. А интерес к книжной иллюстрации проявился уже в раннем творчестве. Среди её литературных привязанностей редко встретишь простые, незамысловатые сюжеты. Кажется, чем сложнее текст, тем он привлекательнее для неё – он открывает больше возможностей для художественного осмысления.

Дипломной работой Ольги Самосюк по окончании института были иллюстрации к сказке Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы», выполненные в технике цветного офорта и акватинты. Этот не самый простой литературный сюжет с его неистощимой выдумкой, удивительно сложными поворотами событий оказался вполне по силам выпускнице, чья творческая фантазия столь же безудержна и безгранична.

Этот первый и удачный опыт изложения словесного текста в изобразительном материале научил её главному – безусловному и бесконечному уважению к литературному источнику. Читатель (он же и зритель) не усомнится в правдивости и соответствии словесного образа иллюстративному материалу! А к литературным источникам Ольга Самосюк обращалась неоднократно. «Коло года», «Велесова книга», «Довелесова книга», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» – эти дошедшие до нас с древних времён памятники литературы сами по себе вполне вписываются в круг интересов Ольги. Иллюстрируя книги, она не только проявляет глубокий интерес к самому историко-культурному памятнику, но и уделяет огромное внимание материалу текста – шрифту.

В «Слове...» и «Повести...», помимо сюжетно-иллюстративной канвы и выразительных образов, сам текст литературных памятников вписан в изобразительную структуру. Шрифт сам по себе в них является художественной частью композиции. Недаром замысленные поначалу как миниатюры две эти серии трансформировались в авторские книги.

Творчество Самосюк с книгой связано часто. Вот и книжный знак – экслибрис – не мог не привлечь Ольгу. Её первые экслибрисы, созданные на рубеже 1980–90-х, были лаконичны, и композиционная их структура ещё не предвещала того почерка Ольги Самосюк, который сложился чуть позднее и наиболее ярко и чётко отразился в технике офорта и акватинты.

Опыт работы с различными техниками и практика в графической миниатюре набирались постепенно. Уже в начале 1990-х экслибрисы и станковые работы Ольги Самосюк стали появляться на международных биеннале в Канаде, Польше, Болгарии, позднее – в Италии, Македонии, Бельгии, Франции, Японии и других странах

Увидеть и оценить собственное творчество в контексте современной мировой культуры – отличный стимул для художника, и потому Ольга активно и с огромной энергией участвует в многочисленных современных графических биеннале. Правда, поначалу крылся в этом и немалый соблазн – сложно было не поддаваться модным художественным веяниям. Но, во-первых, подобные соблазны существуют, как правило, лишь на начальном этапе, а во-вторых, подлинному художнику, сформировавшему собственный художественный почерк и изобразительные принципы, имеющему на всё собственный взгляд, не грозит растворение в общей массе.

Стремление Ольги отразить в графике личное видение мира, её уникальная способность из всего арсенала беспредельной фантазии выбрать выверенное количество элементов для организации композиции и создания оригинального образного и пластического решения, её живая, смелая и изощрённая фантазия неповторимы и узнаваемы. Её миниатюры и иллюстрации представляют собой визуальные сюжеты-новеллы. В них герои находятся в предметной среде с многочисленной атрибутикой и представлены во всём великолепии исторической или сказочной обстановки и костюмов.

Она создаёт не просто графические листы или иллюстрации, а настоящее зрелище. Фигуры главных героев характерны, пластика их жестов и поз, как и положено, выделяет их из общего контекста композиции. Фоны в акварелях и монотипиях просты и мягки, а в офортах чаще сложно организованы, с плотно разработанной структурой листов. Узорочье и зрелищность – наиболее яркие характеристики её графического почерка – сохраняются и в станковой, и в книжной графике. Это заставляет зрителя подолгу и с

интересом рассматривать образы, костюмы, атрибутику, наслаждаясь и прихотливостью линий, и филигранной ажурностью орнаментики, и причудливой фантазией автора.

Характерные признаки её самостоятельного почерка – сложная, богатая орнаментика, одежда героев, детализированные архитектурные или пейзажные фоны. Сложная изобразительная ткань графического листа, основанная на декоративном звучании многочисленных деталей, заполняющих пространство плотным ковром узорочья и форм, делает её творчество уникальным. Коллекционеры и зрители ценят в её творчестве великолепную возможность насладиться красотой орнаментов и в деталях получить информацию, дополнительную к основному сюжетному действию.

Отечественная история и культура занимает в творчестве Ольги Самосюк значительное место. Всякий раз она удивляет зрителя глубинным пониманием темы, художественной трактовкой мифологических образов и древнеславянского миропонимания. В круге её интересов – не только древнеславянские сказания, но и русские сказки, народные и авторские. «Конёк-Горбунок» с детства был одной из любимых сказок Ольги, и сегодня многие фрагменты сказки (и уж, конечно, опорные по сюжетной канве!) она может цитировать наизусть.

Величайшая удача для художника – прикоснуться к любимому с детства литературному источнику. Работа невероятно захватывающая и вдохновляющая. И снова – узорожье орнаментов, декорация интерьеров, пространственные фоны... А при той невообразимой неутомимости фантазии, какой обладает Ольга Самосюк, всё это превращается в огромное количество вариаций того или иного сюжетного мгновения, образа, поз и жестов героев. Безусловно, не все они вошли в книгу, однако каждый из созданных ею акварельных и офортных листов пополнил копилку её творчества и, как всегда, может претендовать на пристальный зрительский интерес.

Сегодня произведения О.А. Самосюк, помимо большого количества частных собраний, хранятся в коллекциях многих российских и зарубежных музеев и библиотек: в Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова (Уфа), музее экслибриса (Москва), музее современного искусства (Москва), Екатеринбургском музее изобразительного искусства, Магнитогорской картинной галерее, Ирбитском государственном музее изобразительного искусства, Калининградской

государственной художественной галерее, Краснодарском краевом художественном музее им. Ф.А. Коваленко, Вологодском областном художественном музее, Национальном музее искусств г. Клуж-Напока (Румыния), городском музее г. Острув-Велькопольски (Польша), галерее эхслибриса г. Кракова (Польша), Музейном комплексе г. Синт-Никлас (Бельгия), художественной галерее г. Маастрихта (Нидерланды), музее эхслибриса г. Варезе (Италия), в библиотеках г. Бодио Ломнаго (Италия) и университета г. Риека (Хорватия) и многих других.

График с ярко выраженной творческой индивидуальностью и огромным художественным опытом, Ольга Самосюк известна не только в российской, но и в международной культуре. В арсенале художницы – более 200 международных графических конкурсных выставок и конгрессов эхслибриса и не меньшее количество выставок и конкурсов российского статуса. Она – призёр многих международных конкурсов печатной графики и эхслибриса. Среди огромного количества её наград – приз за мастерство и серебряная медаль международного конкурса эхслибриса AGC (2009, Джессате, Италия), серебряная медаль международной выставки эхслибриса (2009, Гданьск, Польша), спонсорский приз «Золотая графиня» (2007) и приз «Мастерство» (2010), а также специальный спонсорский приз (2016) международной триеннале графики «URAL PRINT TRIENNIAL» (Уфа), первая премия Елабужской триеннале эхслибриса (2012), золотая медаль Фестиваля графики «УРАЛГРАФО» (Екатеринбург, 2012), специальный приз 1-й международной выставки гравюры (2013, Гранада, Испания), серебряная медаль Союза художников РФ (2014), серебряная медаль международной выставки графики (2014, Шанхай, Китай) и большое количество дипломов российского и международного уровней. Всё это – свидетельство признания её удивительного таланта.

Символ вечного движения

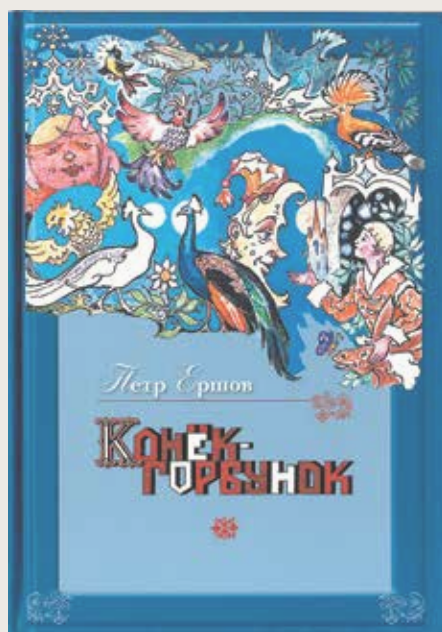
Аркадий Елфимов

*Председатель президиума
общественного благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»*

В 2019 году общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» отметил 25-летие своей разносторонней культурно-просветительской и издательской деятельности. Вся работа фонда уже четверть века направлена на сохранение и развитие богатейшей культуры первой сибирской столицы («ангела Сибири», как называли Тобольск), на приумножение книжных сокровищ родного края.

Природа щедро одарила русскую Сибирь полезными ископаемыми, удивительной красотой пейзажей. Даже исторические коллизии здесь складывались особенным образом и оказывались неразрывно связанными с историей всей нашей страны.

Но главным богатством края были и всегда остаются люди, их таланты и дарования. Сохраняя историческую память Сибири, фонд стремится увековечить имя и достижения каждого

знаменитого земляка, чьей судьбой так или иначе стал Тобольск, в памятниках, медалях, на страницах уникальных изданий.

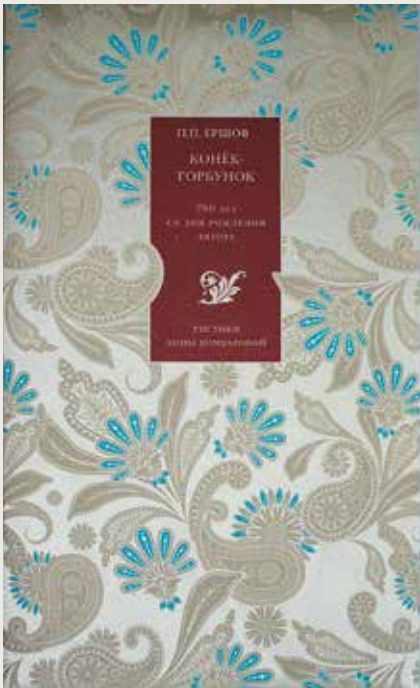
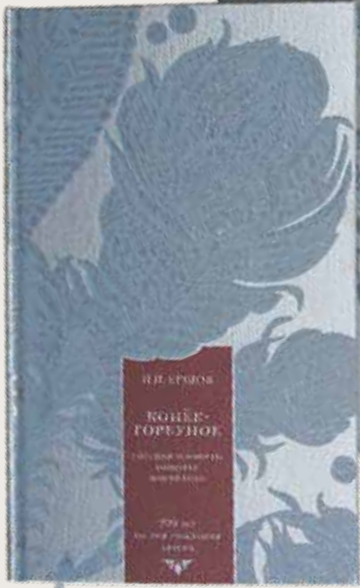
Небольшой вроде бы сибирский город волей судьбы и истории постоянно оказывался в центре исторических событий страны и стал родиной многих замечательных людей. Славу Тобольску составили композитор Александр Алябьев, декабрист и философ Гавриил Батеньков, учёный Дмитрий Менделеев, художник Василий Перов, картограф и учёный-энциклопедист Семён Ремезов и многие, многие другие деятели русской культуры и науки.

Издательская деятельность фонда «Возрождение Тобольска» направлена сегодня на то, чтобы максимально собрать и сохранить труды и судьбы тех, кто творил – в том числе и в Сибири – русскую историю, культуру и литературу. Среди этих широко известных в России и в мире славных сибирских, тобольских имён мы видим и имя Петра Павловича Ершова, поэта, создавшего почти два века назад, в пору своей юности, сказочное русское словесное полотно «Конёк-Горбунук». Сказка сразу привлекла к себе внимание русской самобытностью, прекрасным народным поэтическим языком, головокружительными перипетиями сюжета, и это не могло не вызвать ответный порыв вдохновения у художников. Этот порыв и сегодня воплощается в иллюстрациях – каждый мастер стремится показать своё видение богатого героями и событиями сюжета, пришедшего к нам из детства.

Вообще у этой сказки очень счастливая судьба. Может быть, потому, что на крыше русской крестьянской избы всегда обязательно был конёк – символ вечного движения, жизни как увлекательного путешествия через пространства времени. Традиция ушла, но в народном сознании архетип остался и неожиданно возникает в сказке уже на другом символическом уровне – уровне необычного, волшебного коня, маленького и горбатого рядом с великолепными скакунами, но – понимающего своего хозяина, говорящего с ним и помогающего ему.

История иллюстрирования «Конька-Горбунка» заслуживает отдельного подробного исследования. В разные годы своё художественное решение сказки воплощали в ярких, характерных рисунках такие известные книжные иллюстраторы, как Иван Билибин, Владимир Милашевский, Анатолий Елисейев, Алексей Стеценко, Николай Кочергин, Николай Богатов, Павел Соколов-Скала и многие другие.

Фонд «Возрождение Тобольска» собрал уникальную коллекцию изданий «Конька-Горбунка» с различными иллюстрациями. А дальше – продолжил эту традицию в современности, выпустил

сказку в свет в целом ряде уникальных подарочных изданий, которые могут составить славу любой книжной коллекции.

Каждый художник в своей манере трактует сюжет – и каждый привносит в него черты и краски своего видения. Поэтому едва ли здесь может быть применимо выражение «закрыл тему» – это невозможно, потому что книги, к счастью, постоянно открываются и дарят открытия своим читателям.

Сейчас в библиотеке фонда целый ряд уже собственных переизданий «Конька-Горбунка» – и каждое представляет уникального художника с его манерой иллюстрирования, его видением событий в сказке и их философской трактовкой. К двухсотлетию юбилею Петра Павловича Ершова были изданы три иллюстрированных известными художниками книги Ершова: с рисунками Анны Андреевой, рисунками и офортами Николая Домашенко, рисунками Анны Комбарово́й.

У этих книг один дизайнер – Иван Лукьянов, но при схожести формата и объёма все три издания получились абсолютно индивидуальными. Так, например, Анна Андреева по-доброму иронично относится к героям сказки, для неё сюжет – скорее игровое пространство, где не нужно быть слишком серьёзным, поскольку всё можно переиграть заново. Интересно её отношение к главному герою – он словно взрослеет от испытания к испытанию, его облик приобретает новые черты – юношеские, мужественные.

В отличие от Андреевой Николай Домашенко более тяготеет к реалистичности, для него сказка – мир, в котором вполне реальные герои (они изображены взрослыми людьми) оказываются в волшебных условиях. Реалистичны в изображении Домашенко суровый крестьянский быт и сами крестьяне.

Это издание кроме рисунков включает в себя ещё четыре офорта, выполненные вручную. Офорты придают книге неповторимость, уникальность, особую ценность.

Анна Комбарова – скорее, романтик в своих иллюстрациях, и её сказочно-нежные акварели буквально дышат с листа. И Иван, и царевна изображены у неё возвышенно-идеальными, как в девичьих мечтах...

Так или иначе, иллюстрации к «Коньку-Горбунку» в оформлении книг тяготеют к проявлению национальному – это русские национальные орнаменты (узоры), обычно сопровождающие каждый рисунок, это русский быт с его характерными приметами, это деревенские пейзажи средней полосы...

Каждый художник воссоздаёт своё воображаемое пространство сказки, где происходят чудеса, каждый особенным образом воплощает облик героев. И получается, что с каждым переизданием, с каждым новым художественным решением сказка обретает не только новый облик, но и в известной степени новую жизнь, новое философское решение сюжета.

КОНЁК-ГОРБУНОК

П.П. ЕРШОВ

АРТ-КНИГА

СТИХОТВОРЕНИЕ

П.П. Ершова, посвящённое К.И. Тимковскому

РУКОПИСЬ

«Конёк-Горбунук»

СКАЗКА

«Конёк-Горбунук»

ШЕДЕВРЫ КНИЖНОГО ИСКУССТВА

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ,

художник книги: И.Е. Лукьянов

Иллюстрации: О.А. Самосюк

Авторы текста: Н.А. Ягодинцева

И.Н. Оськина

А.Г. Елфимов

Корректор: А.И. Порошина

626152, Россия, Тюменская область,

Тобольск, ул. Свердлова, дом 34/1.

Тел./факс: (3456)24-67-50

e-mail: elfimov_fond@mail.ru

www.tobolsk.org

© Общественный благотворительный фонд

«Возрождение Тобольска». 2025

© Концепция оформления, дизайн книги, орнаменты, заставки,

концовки, буквицы, переплёт Ивана Лукьянова. 2025

© Иллюстрации Ольги Самосюк. 2025

Гарнитура: Lazurski, Menuet script

Подписано к печати 10.02.2025

Формат издания 84 x108/32.

Издательско-полиграфический комплекс

«НОВЫЕ РЕШЕНИЯ».

(495) 923-4567

asnit@inbox.ru